

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Определение теоретических подходов

Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы

О.Н. Барабанов

Барабанов Олег Николаевич – профессор, д. полит. н., заведующий кафедрой политики и функционирования Европейского союза и Совета Европы Московского государственного института (Университета) международных отношений МИД РФ

Ключевые слова: глобальное управление, теория международных отношений, неореализм, неолиберализм, функционализм
Key words: global governance, International Relations Theory, Neorealism, Neoliberalism, Functionalism

Статья посвящена анализу позиций основных теоретических школ по вопросу о глобальном управлении. Рассматриваются становление и эволюция термина «глобальное управление» в теории международных отношений. Сопоставляется подход к глобальному управлению со стороны школ реализма и неолиберализма. Рассматривается проблема государственного суверенитета в контексте идей глобального управления. Отдельное внимание уделено проблеме глобального управления с точки зрения функционалистского подхода.

Введение

Термин «глобальное управление» (global governance) оказался в фокусе широких научных дискуссий главным образом благодаря деятельности В. Брандта и его коллег из Комиссии ООН по глобальному управлению, созданной с целью поиска решения глобальных проблем человечества: загрязнения окружающей среды, бедности, распространения инфекционных заболеваний и пр. В 1995 г. комиссия подготовила доклад «Наше глобальное соседство» (Our global neighborhood). В докладе в качестве обоснования необходимости глобального управления указывается на то, что его развитие является частью эволюции человеческих усилий в деле разумной организации жизни на планете, и этот процесс будет продолжаться всегда [1]. Необходимость построения глобального управления в мире основана на убеждении, что человечеству после эпохи глобальных войн и глобального противостояния предоставляется уникальный шанс принять «глобальную гражданскую этику», которая должна базироваться на совокупности основополагающих ценностей, способных объединить людей всех культурных, политических, религиозных и философских воззрений. Отмечается также, что управление должно быть основано на демократических принципах и осуществляться в соответствии с

установленными правовыми нормами, обязательными для всех без исключения.

Определение глобального управления

Существует несколько определений понятия «глобальное управление». До его появления существовал другой термин – «глобальное правительство». Различия между этими понятиями детально проанализировал Дж. Розенау. Дело в том, что в английском языке термины «government» (правительство) и «governance» (управление) обозначают системы правления, регуляционные механизмы, с помощью которых осуществляется власть, направленная на сохранение единства определенной политической системы и реализацию намеченных целей. Отличие состоит в том, что под *правительством* обычно понимаются определенные *структуры*, в то время как под *управлением* подразумеваются некие *социальные функции и процессы*. Управлять, таким образом, значит осуществлять власть. А иметь власть – значит иметь признание со стороны тех, на кого распространяется эта власть. Отсюда следует еще одно различие. У правительств власть зиждется на определенных конституционных положениях, указах, распоряжениях и прочих официальных документах. Что же касается управления, то

власть здесь ассоциируется с процессами, возникшими в результате повторяющихся практик, имеющих властную природу, но в то же время не обязательно конституционно оформленных. В этом состоит главное преимущество систем правления, основой которых является правительство как гарант обеспечения процесса регулирования. В случае управления гарантий выполнения обязательств, как правило, нет. В этом и заключается основная трудность реализации глобального управления.

А. Наджам, профессор Бостонского университета и Флетчеровской школы права и дипломатии, предлагает следующее определение глобального управления: «управление глобальными процессами в отсутствие глобального правительства» [4]. Оно вполне справедливо, если иметь в виду разграничение терминов «правительство» и «управление», тщательно проанализированное Дж. Розенау.

Т. Вайсс определяет глобальное управление как коллективные усилия с целью обнаружения, дальнейшего изучения или решения мировых проблем, выходящих за рамки возможностей их решения на государственном уровне [5].

«Глобальное управление» – это не нормативный термин, определяющий качественную оценку его проявления. Его, скорее, следует относить к конкретным договоренностям кооперативного характера, направленным на решение конкретных задач. Такие договоренности могут быть формально закрепленными в виде законов или официально признанных институтов, которые способны решать общие проблемы с помощью разнообразных акторов (государств, межправительственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций, частных структур или представителей гражданского общества, отдельных частных лиц), но могут быть и неформальными (в случае осуществления определенных сложившихся практик) либо с ограниченным сроком действия (в случае создания коалиций).

Таким образом, можно согласиться с обобщенным определением глобального управления, предложенным Т. Вайссом и Р. Такуром в работе «ООН и глобальное управление: идея и перспективы ее воплощения»: «Глобальное управление – это комплекс формальных и неформальных институтов, механизмов, отношений и процессов, существующих между и распространяющихся на государства, рынки, отдельных граждан и организации, как межправительственные, так и неправительственные, посредством которых на глобальном уровне

определяются коллективные интересы, устанавливаются права и обязанности, разрешаются споры» [6].

Основные концепции глобального управления

К настоящему времени в мировой политической мысли сформировалось несколько различных концепций организации глобального регулирования. Одни предлагают создавать более актуальные институты, соответствующие глобальным процессам. Другие высказываются за реформирование уже существующих международных институтов, наделение их более широким кругом полномочий.

Существует и еще один возможный вариант – неинституционализированное политическое управление глобальными процессами. Оно может выражаться как в форме глобального консенсуса демократических стран, так и в форме одностороннего глобального доминирования ведущей державы. В свете недавних событий (фактически одностороннее решение США о проведении военной операции в Ираке, несмотря на отсутствие официального мандата Совета Безопасности ООН) наиболее вероятным оказывается вариант «доминирования ведущей державы», т.е. США. Идею «однополярного» мира поддерживает ряд политологов, ориентированных на концепцию политического реализма, среди которых бывший государственный секретарь США З. Бжезинский, выделивший четыре основные направления, в которых лидируют США: военно-политическое, экономическое, технологическое и массовая культура.

Примечательно, что сторонники «американской гегемонии» в глобальном управлении иногда ссылаются на теорию «гегемонистской стабильности».

В исследованиях, выполненных в русле международной политической экономики, изучалась взаимосвязь стабильности экономического режима и наличия некоего государства-лидера. По мнению исследователей, при существовании государства-гегемона устанавливается стабильный экономический режим, так как лидер вырабатывает правила и нормы поведения, принимаемые другими участниками.

Как и предыдущие подходы, идея гегемонии США вызывает большое число критических откликов. Дж. Най в своей книге «Парадоксы американской мощи: почему единственная ми-

ровая держава не может действовать в одиночку» [7], вышедшей в свет в 2002 г., убедительно демонстрирует невозможность реализации данного подхода. Главный аргумент автора сводится к тому, что в современном мире нельзя не учитывать цели, интересы и активность других акторов международной жизни.

С другой стороны, Д. Месснер в работе «Архитектура мирового порядка» выделяет шесть измерений глобального управления [8]:

- 1) *полицентричность архитектуры глобального управления*: политика основывается на коллективных процессах поиска решений и взаимопонимании правительств стран-участников, т.е. априори базируется на системе «поделенных суверенитетов»;
- 2) *разнообразие акторов*: государства сохраняют за собой монополию на закрепление и проведение тех или иных политических курсов, однако частные акторы играют все более весомую роль на этапах определения проблемы, анализа проблемных связей и непосредственного исполнения (например, сбор данных, проведение мониторинга, работа в частно-общественных институтах);
- 3) *многообразие форм международного сотрудничества*: глобальное управление осуществляется на основе коллективного определения и разрешения проблем. Предполагается сотрудничество между общественным и частным сектором; международные организации в архитектуре глобального управления могут осуществлять координирующие функции и содействовать выработке глобальных способов рассмотрения и восприятия проблем, благодаря чему возможна коррекция национальной ограниченности других игроков;
- 4) *асимметричность глобального управления*: глобальное управление находится на пересечении национальных интересов, властных отношений и необходимости совместного решения проблем; необходимы совместные усилия для решения проблем, выходящих за рамки отдельных государств;
- 5) *максимальная многосторонность и многоуровневость*: привлечение возможно большего количества участников глобального управления, а также многоуровневая политика архитектуры глобального управления (локальный – национальный – региональный – меж-

региональный и международный – глобальный);

- 6) *решительная трансформация политики и инновационная институционализация*: институциональные и процедурные реформы на различных уровнях, цель которых заключается в адаптации институтов управления отдельных государств к новым реалиям, превращении существующей системы глобального управления в жизнеспособную и эффективную.

Принимая во внимание многообразие подходов к определению понятия «глобальное управление», представляется рациональным руководствоваться тем или теми, которые в наибольшей степени учитывают реалии трансформирующейся мировой политической системы, процессы, которыми эта трансформация сопровождается, а также действия акторов, которые в этих процессах участвуют.

Позиции основных теоретических школ по отношению к глобальному управлению

Глобальное управление – одна из наиболее обсуждаемых тем мировой политики. Причем споры ведутся не только о возможностях практического воплощения этой идеи, но и на уровне теоретического осмысления данного явления. В связи с этим представляется уместным остановиться более подробно на том, как различные теоретические школы интерпретируют это явление.

Для большей наглядности проведем анализ интерпретации понятия «глобальное управление» в рамках двух направлений – *реализма* и *интернационального либерализма* – как наиболее авторитетных и, по большей части, противоположных.

Реализм

Политический реализм является старейшим направлением в изучении международных отношений, предтечами которого считаются Фукидид, Н. Макиавелли и Т. Гоббс. Среди современных представителей этой школы Р. Гилпин (R. Gilpin) в своей работе «Взгляд реалистической школы на международное управление» отмечает Х. Булла (H. Bull), Е.Х. Карра (E.H. Carr), Г. Моргентгау (H. Morgenthau), Р. Нибура (R. Niebuhr), К. Уолца (K. Waltz) и М. Вайта

(M. Wight) [9]. Реализм (так же, как и либерализм, и марксизм), по мнению Гилпина, в большей мере определенная философская позиция, нежели научная теория в чистом виде. А значит, такую позицию нельзя подвергнуть эмпирическому анализу и, следовательно, нельзя доказать, что она является верной или ложной.

Позиция реалистов базируется на следующих представлениях:

- система международных отношений представляет собой анархию, верховной политической власти не существует;
- государство суверенно и не подчиняется какой-либо высшей светской власти;
- государства как важнейшие акторы международных отношений сотрудничают друг с другом, создают международные организации, но только в тех областях, в которых их интересы совпадают;
- в международных отношениях государства руководствуются принципами соблюдения национального интереса и обеспечения национальной безопасности;
- одним из основных понятий, определяющих роль государства в международных отношениях, являются отношения власти (преимущественно военной, но также экономической, психологической и др.).

Таким образом, в сегодняшнем мире, по мнению представителей реалистического направления, государствам приходится «всегда быть начеку в свете реальных или вероятных угроз их политической или экономической независимости» [9], а глобальная система, по образному выражению К. Уолца, функционирует по принципу «помоги себе сам» (self-help international system) [10].

Что касается участников международных отношений, то реалисты, как отмечалось выше, считают государство главным актором на мировой политической арене, хотя при этом признают важность и других «игроков», таких как Всемирный банк и МВФ. Но это касается неореалистов, а не приверженцев традиционной парадигмы, где государства признаются вообще единственными акторами, реально влияющими на политический процесс. И все же, что касается принятия важнейших решений, то господство государства у реалистов (и неореалистов) не вызывает сомнений.

Процессы глобализации, наиболее очевидные в экономической сфере, реалисты объясняют не с позиции «размывания» государств и преобразования мира в единую экономику, а

все с тех же позиций соблюдения национального интереса каждого отдельного государства, в том смысле, что на данном этапе выгоднее становится политика интеграции, но совершенно не обязательно, что так будет всегда.

С другой стороны, реалисты признают влияние транснациональных корпораций (ТНК) и неправительственных правозащитных организаций (НПО) и даже заявляют о том, что государства, возможно, не будут существовать всегда. Такое мнение, в частности, высказывает Р. Гилпин. Ведь государства создавались для решения определенных задач, а именно были призваны обеспечить стабильность и порядок, а граждане, в обмен на эти блага, признавали власть своих государств и обещали подчиняться их законам. Следуя этой логике, если государства на определенном этапе перестанут решать задачи, которые перед ними ставят граждане, они исчезнут. Другое дело, что такое развитие событий, с точки зрения реалистов, во всяком случае в ближайшей перспективе представляется маловероятным.

По сути, реалисты скептически оценивают возможность глобального управления в системе международных отношений. В то же время они отмечают прогресс в управлении мировой экономикой и полагают, что если и будет создан механизм глобального управления, то произойдет это именно в экономической сфере.

Тем не менее представители школы реализма, признавая важную роль мировой торговли, деятельность ТНК в создании большего порядка в современных международных экономических отношениях считают явно недостаточной, полагая, что им не удастся переломить изначально анархичное устройство мира. Они не смогли создать наднациональных органов власти, которые бы управляли поведением эгоцентричных государств. «И если эффективный механизм глобального управления в сфере экономики так и не был выработан, то что говорить о перспективах наведения порядка в куда более сложных областях мировой политики» [9], – отмечает Р. Гилпин.

По мнению реалистов, существуют три основные функции управления, которые по-прежнему принадлежат исключительно государствам: 1) выпуск национальной валюты, 2) функция налогообложения и 3) обеспечение государственной и индивидуальной безопасности. Сразу возникает вопрос о единой валюте Европейского союза (ЕС). Доводы реалистов сводятся к следующему: евро – пока единственный пример передачи полномочий по чеканке монеты наднациональному органу

и о результатах этого эксперимента говорить преждевременно. Кроме того, ЕС понадобится большая политическая интеграция, чтобы евро был достаточно стабилен. В свете проблем с принятием общей Конституции Европейского союза последний аргумент является особенно справедливым.

По мнению реалистов, реализации глобального управления препятствуют три непреодолимые, с их точки зрения, проблемы:

- «*проблема власти*»: реалисты настаивают на том, что любое правительство и любая система управления нуждаются в эффективном механизме контроля, для того чтобы предотвратить злоупотребление властью [11];
- «*проблема мирных перемен*»: каждая система управления должна иметь социальную, политическую и экономическую основу, но изменения в структуре сложившихся отношений власти все равно будут происходить, поэтому необходимо включить в систему глобального управления механизм обеспечения «мирных перемен» [12];
- «*проблема предназначения глобального управления*»: необходимо четкое определение социальных, политических и экономических причин, оправдывающих целесообразность формирования глобального управления.

И все же, несмотря на явную сдержанность в отношении перспектив глобального управления, нельзя сказать, что реалисты абсолютно отвергают концепцию как таковую. Конечно, очевиден скептицизм, который школа политического реализма объясняет преимущественно отсутствием возможности 1) эффективного, 2) справедливого (или демократического) глобального управления и, самое главное, 3) четкого определения задач глобального управления на современном этапе.

Либеральный интернационализм

Либеральный интернационализм объединяет два достаточно отличных направления: либерализм и интернационализм. Либерализм ставит целью определение условий реализации политической свободы и либерального правительства, тогда как интернационализм связан с идеей распространения транснациональной (или глобальной) солидарности и интернационального правительства. Одно направление не обязательно подразумевает другое. Так,

например, либералы ратуют за ограниченное правительство, а интернационалисты – за расширение полномочий правительства в сфере международных отношений.

Несмотря на противоречия, существующие внутри рассматриваемого направления, либеральный интернационализм, появившийся еще в начале XIX столетия благодаря Т. Пейну, И. Канту, А. Смитту, Дж. Бенхаму и Дж. Миллю, после окончания «холодной войны» пережил второе рождение. Сегодня наиболее авторитетными представителями этой школы являются М. Дойль (M. Doyle), М. Говард (M. Howard), Р. Кохэн (R. Keohane), В. Хантли (W. Huntley), Д. Дьюдни (D. Deudney), Дж. Икенберри (G. Ikenberry), Дж. Розенау (J. Rosenau), Т. Вайсс (T. Weiss), Н. Вудс (N. Woods) и др.

По сути, это направление является своего рода антиподом политического реализма, причем не только в том, что касается объяснения миропорядка, но и в понимании того, каким он должен быть. Достижение максимально возможной свободы человека – главная цель либерального интернационализма, но достичь ее можно лишь в условиях отсутствия войны и предпосылок к ее возникновению. А поскольку конфликты и войны являются неотъемлемой частью существующей системы, в рамках которой суверенные государства стремятся максимизировать власть, обстоятельства, необходимые для реализации человеческой свободы, могут возникнуть лишь при условии «управления или выхода за пределы принципа политики с позиции силы» (governance or transcendence of power politics). Этот довод подкрепляется четырьмя основными положениями [13]:

- 1) рациональная политика является необходимым условием эффективного управления международными отношениями;
- 2) международное сотрудничество, как с рациональной, так и этической точки зрения, является предпочтительнее положения конфликта: растущая материальная взаимозависимость государств обуславливает необходимость международного регулирования;
- 3) международные организации способствуют распространению мира и стабильности, усмиряя более сильные государства путем создания международных норм и новых правил проведения многосторонней политики; кроме того, они имеют необходимые инструменты предотвращения или управления межгосударственными конфликтами;

4) в мировой политике прогресс возможен лишь тогда, когда принцип политики с позиции силы не будет рассматриваться в качестве обязательного условия поддержания межгосударственного порядка: этот принцип может быть значительно ослаблен либо полностью преодолен по мере проведения постепенной реформы или «одомашнивания» международных отношений (правовое государство, всеобщие права человека и т.д.).

Либералы верят в силу человеческого разума. Войны между государствами одни из них объясняют несовершенством отдельных внутригосударственных систем. Речь идет об авторитарных режимах с присущей им централизацией власти, секретностью, отсутствием гражданского общества и т.д. (И. Кант, Дж. Милль, Т. Пейн). Другие ссылаются на меркантилистскую организацию экономики, которая способствовала развязыванию войн с целью экономической выгоды (А. Смит, Р. Кобден). Отсюда классики либерализма сделали вывод (и это относится к обоим подходам): чтобы способствовать предотвращению войн, следует, прежде всего, провести реорганизацию внутри государств, а не всего международного сообщества. Так, Кант считал, что если правительства будут подчинены воле общественного мнения, то войн удастся избежать, поскольку война вряд ли найдет поддержку у населения. Но несмотря на то, что акцент был сделан на необходимости проведения реформ внутри государств, Кант и Бентам отмечают важность международного права, установления «космополитического права», направленного на обеспечение мира путем определения прав и обязанностей граждан и государств в рамках «конфедерации государств», где устанавливается отказ участвующих государств от политики войны. Многие аналитики определили такое предложение Канта как предтечу современных систем коллективной безопасности. По мере усиления взаимозависимости государств, укрепления демократии, воплощения в жизнь мира и стабильности другие государства, по мнению Канта, «подхватят» эту тенденцию, что и приведет к «вечному миру». Однако другой представитель либерализма – Бентам – создание мирового правительства не считает обязательным условием. Напротив, он полагает, что «мирового правительства должно быть как можно меньше» [14].

Тем не менее со времен Бентама споры по поводу того, каким либеральный интернациона-

лизм видит глобальное управление, продолжались. В период между мировыми войнами было пересмотрено отношение ко вторжению во внутренние дела государства (state intervention), как к допустимой мере воздействия. В связи с успехом международных организаций, созданных в XIX в. (Международного телеграфного союза и Всемирного почтового союза), новое течение в либерализме высказывалось за создание некой формы международного управления при наделении этого органа соответствующими властными полномочиями, призванной «навязывать мир» (to enforce peace). Выдвигалось много предложений по поводу устройства этого вселенского международного органа. Назовем самые заметные:

- создание мировой федерации или конфедерации, предполагающее наличие мирового правительства, наделенного наднациональной властью;
- создание децентрализованной и плюралистической системы международного управления в традициях функционализма;
- создание системы более широкого международного сотрудничества и коллективной безопасности (в духе Лиги Наций).

Очевидно, что первые два из трех названных предложений обустройства глобального управления изначально были невыполнимыми в силу явных противоречий, существовавших (и продолжающих существовать) между государствами (и другими акторами мировой политики). Достигнуть согласия всех участников на объединение во всеобщую конфедерацию, а тем более создать зрелую демократическую децентрализованную систему глобального управления на том этапе (как и сегодня) было нереально.

Третье предложение выглядело более реалистичным. В. Вильсон, идеолог либерализма первой половины XX в. и сторонник этой идеи, полагал, что установление справедливого миропорядка возможно при соблюдении двух условий: 1) распространения демократии и 2) создания демократичной системы коллективной безопасности в виде Лиги Наций как первого большого эксперимента в области современного глобального управления. Главной целью организации было выяснение всех конфликтных ситуаций посредством диалога, без применения силы, а также при соблюдении принципа равенства государств. Лига Наций содержала элементы предложенной Кантом «конфедерации государств с республиканской

формой правления» (Confederation of republican states) и предложенный Бенхамом «Общий Верховный Суд» (Common Court of Abjudication) для урегулирования споров между государствами.

Несмотря на то, что первый в истории эксперимент глобального регулирования во главе с Лигой Наций провалился, либеральный интернационализм не канул в Лету, а архитекторы послевоенного мироустройства не разуверились в реализуемости идеи управления на глобальном уровне. Интересно замечание Э. Макгрю (A. McGrew) о том, что создание ООН и большого числа его специализированных учреждений, включая институты Бреттон-Вудской системы, отражало стремление США как либерального гегемона установить либеральный миропорядок, где бы процветали демократия и капитализм. Парадоксально, но оказалось, что такое развитие событий подрывало базовые принципы либерально-интернационалистической школы, поскольку это практически подтверждает известный довод реалистов о том, что международное управление в лучшем случае может существовать только при одобрении доминирующего государства, а в худшем – оно бы было просто инструментом выполнения интересов такого государства [13].

Как отмечалось ранее, настоящим «подарком» для либералов-интернационалистов стал конец XX в. с завершением «холодной войны», третьей волной демократизации и растущими темпами глобализации. Тогда же была пересмотрена и логика международного сотрудничества. Современный этап развития данной теоретической школы представляют четыре основные течения:

1) *Либеральный институционализм*. Признавая, что США как гегемон современного мира могли способствовать развитию международного сотрудничества, Р. Кохен, представитель данного течения, не согласен с тем, что продолжающийся на протяжении послевоенного периода (и усугубившийся после окончания «холодной войны») процесс многостороннего сотрудничества объясняется исключительно ролью США. Настоящей причиной международного сотрудничества он считает наличие конфликта, так как если бы в международных отношениях существовала гармония, то сотрудничество не понадобилось бы. А международные организации в рамках данного направления «не расшатывают власть государств, а, скорее, наделяют их большей властью»,

так как участие государств в международных организациях представляется выгодным, прежде всего, для самих государств [15].

- 2) *Структурный либерализм*. Причина многостороннего сотрудничества в послевоенный период – либеральный характер гегемона мировой политики – США. Благодаря США система современного глобального управления представляется как либеральная. При этом существуют предпосылки достижения состояния более стабильного мира путем увеличения числа демократических государств.
- 3) *Либеральный реформизм*. Главная задача мировой политики – устранить основные недостатки существующей системы глобального управления (доминирование наиболее сильных государств в формировании международных институтов, «дефицит демократии», отсутствие контроля за процессом формирования общественного мнения и др.) [16] и выработать необходимые условия для создания более эффективного и легитимного глобального управления, т.е. обеспечить демократический характер управления на всех уровнях «путем применения принудительного права как на национальном уровне, так и в рамках “глобального соседства”» [17].
- 4) *Либеральный космополитизм*. Важнейшая задача – обеспечение справедливости в глобальном управлении, которое в своем современном состоянии представляется несправедливым, поскольку «закрепляет существующее глобальное неравенство, а следовательно, и глобальную несправедливость; поэтому необходимо провести перераспределение благ от богатых к бедным» [18].

Таким образом, либеральный интернационализм является достаточно разрозненным направлением и представляет собой, по мнению Мэйсона, «мнимое интеллектуальное единство при настоящем теоретическом плюрализме» [19].

Тем не менее это не значит, что либеральный интернационализм переживает кризис. Разумеется, противоречия существуют. Во-первых, по поводу того, считать ли государство барьером на пути к созданию подлинного либерального миропорядка или оно является одной из составляющих миропорядка [20]. Во-вторых, нет единства в вопросе о том, будут

ли соединены или разделены экономическая и политическая сферы в условиях новой системы либерального глобального порядка. Имеют место и более глубокие противоречия: в чьих интересах будет осуществляться глобальное управление и какие цели преследовать. И наконец, в-третьих, уже довольно давно идут дебаты внутри либеральной политической теории о том, в какой форме должно существовать глобальное управление: должно ли оно проявлять максимальное участие или, напротив, проводить политику «минимального управления».

Трудно переоценить вклад либерального интернационализма в теоретическое осмысление происходящих в мире перемен. Однако именно за идеологическое наполнение и чрезмерное моделирование (и теоретизирование) либеральный интернационализм и подвергается критике, особенно со стороны представителей школы политического реализма и марксизма. Обвиняют его в том числе и в искажении данных о действительных источниках власти в мировой политике, и даже лицемерии по поводу возможности демократического глобального управления.

Тем не менее либеральный интернационализм остается влиятельным направлением политической мысли и, пожалуй, основным в изучении глобального управления. Нельзя преуменьшать его очевидные достоинства. Эта теоретическая школа первой всерьез приняла в расчет идею проведения политики и управления вне рамок государства, причем представила глубокий анализ природы, формы логики и недостатков современной системы глобального управления и возможности реализации подлинного глобального управления.

В то же время очевидны два серьезных недостатка: явная разобщенность объяснительной и нормативной базы, а также противоречие между присущим этому направлению этическим радикализмом и институциональным консерватизмом, или даже агностицизмом, имея в виду отношение к своей теории, как «лучшей институциональной структуре в изучении международной политики» [21].

Сегодня перед либеральным интернационализмом стоят две основные задачи: соединить объяснительную базу с довольно радикальной этической базой и, в той или иной степени, «примирить» все течения, существующие в рамках данного направления, в единую структуру.

Что касается методического подхода к функционированию интеграционных объединений в мировой политике, то из двух базовых

теорий – федералистской и функционалистской, очевидно, что обе изучаемые в рамках представляемого исследования структуры – и «Группа восьми», и Европейский союз, выросший из Европейского объединения угля и стали, следуют в своей практической эволюции логике функционалистского подхода. Поэтому именно с позиций функционализма и будет рассматриваться их взаимодействие в других статьях настоящего номера.

Литература

1. Our Global Neighborhood: The Report of the Commission on Global Governance. N. Y.: Oxford University Press, 1995.
2. Rosenau J. Governance in a New Global Order // *Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance* / D. Held, A. McGrew (eds.). Polity Press, 2002. P. 71–73.
3. Rosenau J. Toward an Ontology for Global Governance // *Approaches to Global Governance Theory* // M. Hewson, T.J. Sinclair (eds.). N. Y., 1999.
4. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Adil_Najam.
5. URL: http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Ralph_Bunche_Institute_for_International_Studies&action=edit.
6. Weiss Th., Thakur R. The UN and Global Governance: An Idea and its Prospects. University of Indiana Press, 2003.
7. Ney J. The Paradox of American Power. Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone. Oxford, 2002.
8. Месснер Д. Архитектура мирового порядка // *Международная политика*. 1998. № 11.
9. Gilpin R. A realist perspective on international governance // *Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance* / D. Held, A. McGrew (eds.). Polity Press, 2002. P. 237.
10. Waltz K. Theory of International Politics. 1st ed. McGraw-Hill, Inc. 1979. P. 134.
11. Bull H. The Anarchical Society: A study of order in World Politics. N. Y.: Colombia University Press, 1977.
12. Carr E.H. The twenty years' crisis, 1919–1939. 2nd ed. L.: Macmillan, 1951.
13. McGrew A. Liberal internationalism: between realism and cosmopolitanism // *Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance* / D. Held, A. McGrew (eds.). Polity Press, 2002. P. 268.
14. Hinsley F.H. Power and the pursuit of peace. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
15. Keohane R.O. After hegemony. Princeton: Princeton University Press, 1984.

16. UNDP: Globalization with a human face: UN human development report. Oxford: Oxford University Press, 1999.
17. Commission on Global Governance. Our Global Neighborhood. Oxford: Oxford University Press, 1995.
18. Caney S. International Distributive Justice // Political Studies. 2001. No. 49/5. P. 974–997.
19. Mason A. Community, Solidarity, and Belonging. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
20. Franceschet A. Sovereignty and Freedom: Immanuel Kant's liberal internationalist legacy // Review of International Studies. October 2001. No. 27/4. P. 667–699.
21. Beitz C.R. Social and cosmopolitan liberalism // International Affairs. 1999. Vol. 75. No. 3. P. 515–529.